

ного Щепкина единственно одной непосредственной силой искусства (театр). Вот и вопрос об искусстве и даже о материальной и социальной пользе его» [28₂, 70].

Таким образом, для Достоевского Пушкин – это та основа, на которой может объединиться нация, поднявшись над сословными, групповыми, партийными интересами. Это та духовная субстанция, которая может обеспечить национальное единодушие. В этом, по Достоевскому, и состоит народность поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из работ последнего времени особенно заслуживают внимания: Волгин И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1991. С.244-261; Викторovich В. «Брошенное семя возрастет» (Еще раз о «завещании» Достоевского) // Вопросы литературы. 1991. №3. С.142-168.

² В дальнейшем – «ДП».

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т.22. С.44. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц. Авторский курсив в цитатах специально не оговаривается).

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1996. Т.11. С.168.

⁵ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т.7. С.168.

⁶ Попов В.П. Проблема народа у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Вып.4. С.52.

А.С. Гришин

РУССКИЙ СИМПОЗИАРХ

Вот кубок - наливай!

(К.Н. Батюшков «Мои пенаты»)

Эта повелительная строка К. Батюшкова откликнется у юного поэта, которому через 22 дня исполнится 16 лет, в стихотворении «К Пушкину (4 мая)» (1814) необычной для его возраста пророческой строфой:

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок: наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

Он и остается нашим спутником, встречая «двухсотый май», и «При стуке полных чаш» наших всегда соприсутствует, событийствует, сопирашествует и собеседует с нами. Он незримо и по праву руководит всеми нашими пирами: пиром с другом или друзьями, свадебным или именинным, пиром с возлюбленной, праздничным или победным, «грозными», «кровавыми» пирами боев и сражений, и , наконец, всем пиром жизни, добавляя свое, пушкинское, в чашу жизни.

Один, в разлуке с любимой, единственный из поэтов России, Пушкин произнесет молитвенно-тихий, благодарно-восторженный, житейски умудренный - редкий для мужчин! - тост за Ее здоровье и счастье!

Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один, без гостей,
Пью за здоровье Мери.
.....
Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!

Не зря поэтичное имя этой героини завораживало многих писателей и поэтов: лермонтовская Мэри, блоковский цикл стихотворений «Мэри» и другие. Конечно, Бог, женщина, друзья и музы создали его любовную, отзывчивую, благодарную душу и такое же пушкинское слово - любовное, отзывчивое, благодарное, щедрое.

Щедро подносит он нам полную чашу жизни и приказывает:

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови,
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!
(«Гроб Анакреона»)

У юного студента он по-юношески удивленно спросит:

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
(Пирующие студенты)

Юным же он даст «добрый совет»

Давайте пить и веселиться
Давайте жизнь играть
Пусть чернь слепая суетится, -
Не нам безумной подражать.
(Добрый совет),

Высказывает вакхическое пожелание:

Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
(Торжество Вакха),

Торопит юность пить свой «кубок»:

Пейте за радость
Юной любви -
Скроется младость,
Дети мои. .
Кубок янтарный
Полон давно.
Я - благодарный -
Пью за вино.

(За здравный кубок)

В разлуке с другом, надеясь на встречу, Пушкин обещает:

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой

(Городок)

Строка К. Батюшкова «Вот кубок - наливай!» заворожила не только Пушкина, у Жуковского в стихотворении «К Воейкову. Послание» (1814) она откликнулась строкой:

Садись - вот кубок! в честь друзьям!

Жуковский удлинил строку и лишил ее стремительности. Пушкин курсивом выделил строку Батюшкова, но вместо энергичного тире поставил указующее двоеточие.

Как видим, начиная с лицейского периода, юный Пушкин «рассылает» свои многочисленные приглашения к пиршественному столу не только своим друзьям, современникам, но и давно ушедшим историческим лицам русской и мировой истории, и нам, его потомкам. «Рассылает» приглашения, пирует и говорит тосты. Он приглашает нас на победный пир и на тризну Олега в «Песне о вещем Олеге», на победные пиры Петра Великого в «Полтаве», «Медном всаднике», на поучительный для царей своим гуманизмом и умением прощать «Пир Петра Великого», на пиры «младых повес», «шалунов» и пиры дворян в «Евгении Онегине», на благодарственные пиры простых людей об ушедших в «Сват Иван, как пить мы станем...». И сегодня читатель Пушкина любого возраста, национальности, социального и культурного уровня получает от него многочисленные приглашения и призывания на пиры, на которых он может услышать и пушкинский тост, близкий его сердцу.

Но именно эта сторона творчества поэта до сих пор по разным причинам не подвергалась тщательному изучению, рас-

смащивались лишь его отдельные пиршественные стихотворения. А ведь Пушкин остается единственным симпозиархом (руководитель пира в Древней Греции), единственным пирником или пиршественным старостой (руководитель пира в Древней Руси), единственным президентом пира (см. его «Пирующие студенты»), единственным председателем пира (см. его «Пир во время чумы») в нашей поэзии и в нашей жизни. Уже в «Пирующих студентах» по- юношески дерзко объявив:

Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам, -

он самовластно берет на себя роль симпозиарха — председателя лицейского пира и с честью выдерживает ее до конца не только этого стихотворения, но и всей своей лирики, всей своей и нашей жизни. Ему единственному из русских поэтов удалось гармонически объединить разрозненные элементы пиршественного мира античной лирики, русской литературы XVIII века и своих современников в органическое единство, имя которому пушкинский, русский пиршественный мир. Начало этого мира в тех же «Пирующих студентах», в трех именах: мифологических - Вакхе и Аполлоне и реальном - Эпикуре. Итак, бог вина Вакх, руководитель муз Аполлон и философ дружеских пиров-бесед Эпикур влекут юного симпозиарха. Но есть еще один бог - Арес, который влечет юношей - современников Великой Отечественной войны 1812 года. Он проявлен в образе знаменитого казачьего атамана гр. М.И. Платова, о котором ходили легенды и появился даже термин «платовский удар». (Кто из пушкинистов не знает, что такое «платовский удар» и почему Жуковский в том же послании «К Воейкову» величает его «Вихорь-Атаман?»). Из почтения и юношеской зависти к герою и героическому рождаются строки:

Буылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем -
И пить давайте снова!..

В них уже слышны отзвуки знаменитых гусарско-пиршественных стихотворений Д. Давыдова «Бурцову. Призывание на пунш» (1804), «Бурцову» (1804), «Гусарский пир» (1804), «В.А. Жуковскому» (1814) и других.

Конечно, юный симпозиарх, как и лицеисты - участники пира -, хотят быть старше, опытнее, мудрее своего возраста. Поэтому один из них - уже «сиятельный повеса (С. Броглио), второй - «парнасский волокита» (А.Д. Илличевский), третий - «повеса из повес», «удалый хват, головорез» (И.В. Малиновский). О, торопливая и легкокрылая юность! Юношеское пиршественное упоение весельем, острым словом, жизнью, вином и дружбой, поэзией, гитарой, песней, призывы «Под стол холодных мудрецов», «Рассудок! Бог с тобою!» показывают, что юный Пушкин воспринимает жизнь, как веселый дружеский пир, а пир, как настоящую жизнь.

«Пирующих студентов» большинство исследователей оценивают достаточно высоко, но не делают всех выводов. Например, Б.П. Городецкий отмечает, что в нем «ярко дала себя знать особая державинская «вещность»..., «умение рисовать образы живых людей»..., «стремление живописать словами» [Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.:Л., 1962. С.115]. Но чуть дальше он делает опрометчивый вывод: «Вакхический» пафос воспевания радостей и наслаждений жизни, окрашивавший пушкинскую лирику 1815 г., сменяется элегическими настроениями 1816 и первой половины 1817 г., а это сменяется свобододолюбивою устремленностью 1817-1819 гг.» [Там же. С.136]. Этот вывод не соответствует самой логике пушкинской творческой эволюции : в 1816 г. у Пушкина появились «вакхические» стихотворения «Друзьям», «Заздравный кубок», в 1817 году - такие же «вакхические» «К Каверину», «Добрый совет», где вопреки логике Городецкого провозглашалось эпикурейски-пушкинское, «вакхическое»:

Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье.
(К Каверину)

То же и в лирике 1818 года , где стихотворение «Торжество Вакха» противостоит логике Городецкого. Вероятно, эволюция юношеской лирики Пушкина была эмерджентной: он , действительно, стремительно шел, летел к новым темам, настроениям и жанрам, и никогда не оставлял прежние.

Не будем касаться той эволюции Пушкина, которая анекдотирована в нашумевшей книжке А. Терца «Прогулки с Пушкиным»: о ней зря спорили в Европе и России - ведь она относится к типу анекдотических упражнений. А спорить с анекдотом бессмысленно - он рассказан, услышан и ... забыт! Анекдот не подлежит ни бытовой, ни исторической, ни научной верифика-

ции. Поэтому серьезно спорить с автором, рассказчиком анекдота - смешно.

Ю. Тынянов считал, что «Пирующие студенты» резко выделяются среди ранних лицейских стихотворений своей новизной и оригинальностью. В пародийном подражании «Певцу во стане русских воинов» В. Жуковского, Пушкин обрел «ту конкретность и вещность слов, которую он не мог найти в мечтательных стихах Батюшкова, самый принцип которых был приблизительность», все стихотворение - «ряд портретных зарисовок, совершенных именно своей конкретностью. Характеристики приобретают лаконичность и энергию» [Тынянов Ю. Пушкин. М.:Л., 1961. С.353]. Согласимся с Тыняновым – в «Пире студентов» оригинальность юного поэта превосходит подражательность. Но нужно дополнить: в «Пирующих студентах» явлены, во-первых, вакхический, эпикурейски-анакреонтически-кипридский (последний элемент проявлен еще слабо и неопределенно) комплекс настроений юного Пушкина как доминанта пиршественного мира его ранней лирики. Он еще наполовину античный с традиционными для этой лирики героями и деталями, наполовину уже современный, биографический, русский, т.е. он еще антично-русский. Во-вторых, «летучая кисть», «летучее слово», которыми дается характеристика конкретного человека. Через сжатое, персонифицированное обращение, «летучее» и узнаваемое описание жестов и привычек каждого героя-лицеиста Пушкин создает запоминающийся портрет. Именно этот язык и эта кисть, которые позже могли одним-двумя словами, росчерками пера-кисти обессмертить или обесславить человека, рождаются в лицейских стихах Пушкина. Обращение к каждому пирующему завершается призывом «придвинуть пенистый стакан», наполнить «кружку», «чашу» до краев. То есть основная часть «Пирующих студентов» сюжетно строится как краткие портреты-характеристики пирующих и тосты о каждом из них. Так кудрявый отрок вступает в роль симпозиарха. Как он ее «поведет» дальше, из каких источников будет питать? Как будет формироваться и развиваться пиршественный мир в его творчестве, преимущественно в лирике? По каким образно-тематическим направлениям? (О пиршественных традициях в русской литературе, пиршественном мире прозы и частично поэзии серебряного века см. в моей статье [«Пиршественный мир в русской прозе серебряного века // Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность. Тезисы докладов научной конференции... Челябинск, 1998. С.87-89]).

Необходимо хотя бы кратко описать поэтический фон и контекст, в которых развивалась пушкинская пиршественная лирика.

Образотворческая фантазия Пушкина в «Пирующих студентах» соединила традиции античной лирики (в первую очередь эпикурейской с ее культом дружбы), современной поэзии (В. Жуковский), живую героическую современность войны и конкретный, лицейский биографизм. Конечно, самым сильным элементом в пиршественном мире поэта-лицеиста оказывается эпикурейский элемент дружеских пиров, бесед, речей и тостов. Именно этот элемент будет постоянно присутствовать почти во всех его стихотворениях, посвященных юбилею лица (19 октября), во многих дружеских посланиях, застольных и вакхических песнях. Именно в этих лирических жанрах вскоре и произойдет окончательная «русификация» пушкинской пиршественной лирики, т.е. отказ от доминантных для античной пиршественной лирики героев и деталей. Но как в обыденном сознании, так иногда и у исследователей Пушкина эпикуреизм понимается очень примитивно - только как чувственные наслаждения жизнью в современном понимании чувственного. Сам же Эпикур утверждал: «...когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности ..., - нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе» [Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. 1979. С.435].

Для Пушкина, как и вообще для развития мировой поэзии, гораздо большее влияние Эпикур оказал своим философским и реально-бытовым утверждением культа дружбы философов-единомышленников. В реальной жизни Эпикура этот культ утверждался через организацию и руководство Садом. В этике Эпикура неоднократно утверждается, что мудрец «один способен к благодарности, которую выражает в добрых словах о друзьях, как присутствующих, так и отсутствующих... он не будет болтать вздора даже пьяный,.. не будет заниматься государственными делами... не станет тираном. Он сумеет противостоять судьбе и никогда не покинет друга... А при случае он даже умрет за друга... Сама дружба вызывается пользой; нужно, правда, чтобы что-нибудь положило ей начало (ведь и в землю

мы бросаем семена), но потом она уже держится на том, что вся полнота наслаждения у друзей - общая» [Диоген Лаэртский Указ. соч. С.431-432]. Эта эпикуровская характеристика мудреца - почти полный портрет Пушкина!

Конечно, в «Пирующих студентах» еще нет выхода поэта к другим проблемам - философским, психологическим, социальным, онтологическим, нет и столь характерного для зрелого Пушкина выхода в иное время, сопряжения пиршественного мира с жизнью и судьбой человека.

Поэзия XVIII века, за редким исключением, не знала эпикурейского культа братской дружбы, с которого начинает Пушкин, а была целиком ориентирована на анакреонтический культ пиров с девами, возлюбленной. У В.В. Капниста была «Ода на дружество» (1796), обращенная к брату П.В. Капнисту. Здесь есть строки, восхваляющие «дружество»:

О дружество, союз священный!
Влиянно небом чувство нам!
И рок не страшен разъяренный!
Тобою связанным сердцам.

И далее поэт утверждает, что дружество

В сем мире, злобой развращенном,
В орудие коварства злос
Пороками обращено.

И все же основы поэтической философии дружбы и братства были заложены в русской поэзии конца XVIII века Н. Карамзиным в стихотворении «Песнь мира». Здесь, конечно, сильна связь с гимном Ф. Шиллера «К радости». Но именно Карамзиным утверждалась не только философия братства всех людей земли:

Миллионы, веселитесь,
Миллионы, обнимитесь,
Как объемлет брата брат!
Лобызайтесь все стократ! ,

но и братство всего живого на земле! У Карамзина же было и стихотворение, подводящее итог эпикуреизму в поэзии XVIII века и намечающее многие пути развития эпикуреизма и пиршественного мира лирики XIX века. Это стихотворение «Веселый час» (1791).

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал,

в одном руище, в порфире,-
Но и радость бог нам дал

Он вино нам дал на радость,
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный - горестям конец.

Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,-
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Все печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет наше сердце,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

Это стихотворение - редкий случай в поэзии XVIII века, т.к. в нем превозносится братская дружба, скрепляемая вином, братский пир соединяется с философией жизни, «наукой жизни», есть своеобразная философия вина, как спутника богатых и бедных, горя и радости. Кроме этого оно целиком «русифицировано» - нет ни одного образа или детали, заимствованных из античной лирики. Обратим внимание на одну строку этого стихотворения, которая как будто «залетела» в него из поэзии XX века, то ли из Пастернака, то ли из Мандельштама, то ли из Есенина:

Вечно смотрит сентябрем -
так сказать мог только поэт XX века, «прошедший» школу поэзии серебряного века. Нечто близкое было и в стихотворении И. Дмитриева «Други! время скоротечно». Признав скоротечность времени и неизбежность наступления старости, поэт восклицает:

Что же делать? Так и быть!
В ожиданьи будем пить!

Поэт находит, что

Лучший способ дружно жить -
Меньше врать, а больше пить.

Чтобы «усладить» грусть осеннего умирания природы, нужно
Чаще пунш с араком пить.

Последняя строфа этого стихотворения Дмитриева - гимн араку:

О арак, арак чудесный!
Ты весну нам возвратил;
Ты согрел, как май прелестный,
Щеки розами покрыл.
Чем же нам тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

Появление этого стихотворения у Дмитриева, конечно, обусловлено его дружбой с Карамзиным и Державиным, почетным членством в «Арзамасе», ориентацией его поэзии на песенные жанры, в том числе на жанр романса.

Как видим, эпикурейский, в строгом смысле слова, элемент в поэзии XVIII века количественно был очень незначителен. Но совершенно другая картина была с анакреонтическим элементом: можно сразу сказать, что поэзия XVIII века глубоко анакреонтична - почти не было поэта, который не переводил бы, или не подражал Анакреонту, или не писал «анакреонтические» оды, песни, стихи. (В XVIII - начале XIX вв. широко использовалось два написания имени - Анакреон и Анакреонт).

Начало анакреонтизма в поэзии XVIII века было положено А. Кантемиром переводами 55 стихов и од Анакреонта (часть из них принадлежала позднейшим подражателям) и посланий Горация. Отношение поэтов XVIII века к анакреонтизму, его «русификация» и дальнейшее развитие в целом были плодотворными. Редкое исключение здесь составил лишь диалогический цикл «Разговор с Анакреоном» Ломоносова, в котором анакреонтическим ценностям - любви, вину, упоению жизнью - противопоставлены слава героев, жизнь во имя государства и в целом - серьезная поэзия. Несмотря на это «Разговор с Анакреоном» все же сыграл в истории русской поэзии значительную роль: до этого формой общения поэтов XVIII века со всеми предшественниками, в т.ч. и античными поэтами, были перевод, подражание, цитата. Ломоносов показал новую и очень сильную форму взаимодействия поэзии разных эпох и народов - диалог. После Ломоносова «разговор» с Анакреонтом, т.е. диалог станет достаточно распространенным явлением в поэзии XVIII - XIX веков, а степень свободы поэта в этом разговоре будет все время возрастать. В поэзии XVIII века диалогическое начало, слабо изученное и сегодня, реализовалось в многочисленных жанрах прошения, послания, письма, ответа, приглашения, эпитафии, надписи. Сравним три стихотворения, напечатав их рядом: первое - перевод оды Анакреонта Ломоносовым, второе - его же ответ на эту оду, (оба эти стихотворения начинают диалог в «Разговоре с

Анакреоном), третье - свободный перевод этой же оды Анакреонта Г. Державиным. Стихотворения Ломоносова и Державина разделяют примерно 40 лет (1758г.; 1798г.): победа индивидуально-человеческого у Державина и в поэзии конца XVIII века над высоким, героически-государственным (у Ломоносова) очевидна из этого сравнения.

М.В. Ломоносов	Г.Р. Державин
Разговор с Анакреоном	К лире
Анакреон	Ломоносов
Ода I	Ответ

Мне петь было о Трое. О Кадме мне бы петь Да и если мне в покое Любовь велят звенеть Я гусли со струнами Вчера переменял И славными делами Алкида возносил; Да гусли поневоле Любовь мне петь велят. О вас, герои, боле, Прощайте, не хотят.	Мне петь было о нежной Анакреон, любви Я чувствовал жар прежний В согревшейся крови. Я бегать стал перстами По тоненьким струнам И сладкими словами Последовать столам. Мне струны поневоле Звучат геройский шум. Не возмущайте боле, Любовны мысли, ум: Хоть нежности сердечной В любви я не лишен. Героев славою вечной Я больше восхищен.	Петь Румянцева сбирался Петь Суворова хотел: Гром от лиры раздавался. И со струн огонь летел. Но завистливой судьбою Задумайский кончил век: А Римникский скрылся тьмою. Как неславный человек. Что ж? Приятна ли им будет. Лира! Днесь твоя хвала! Мир без нас не позабудет Их бессмертные дела Так не надо звучных строев. Переладим струны вновь: Петь откажемся героев. А начнем мы петь любовь.
---	---	---

В этом диалоге Ломоносова с Анакреоном и Державина с Анакреоном и Ломоносовым бросается в глаза, что Державин обретает большую степень свободы: он ввел в свой перевод двух реальных героев русской истории, более гибким сделал переход от воспевания героического («Мир без нас не позабудет / Их бессмертные дела») к воспеванию любви.

После Ломоносова анакреонтические оды, стихи, песни, стансы, элегии пишут А. Сумароков, А.А. Ржевский, М.М. Херасков, Г.Р. Державин, Н.А. Львов, В.В. Капнист, А.В. Аргамаков, М.Л. Магницкий, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев и многие другие.

Итогом и вершиной анакреонтической лирики XVIII века следует признать стихотворение Державина «Венец бессмертия».

Беседовал с Анакреоном	Он дев пляснѣм забавлялся,
В приятном я недавно снѣ,	Тряхнув подчас сам сединой,
Под жарким, светлым небосклоном,	На белы груди любовался,
В тени от пальм явился мне.	На взор метал их пламень свой.

Хариты вкруг его, эроты,	Или, возлегши раменами,
С братиною златою Вакх,	На мягки розы, отдыхал;
Вафилъ прекрасный - в рощи, гроты	Огнистыми склоняясь устами,
Ходили в розовых венках.	Из кубка мед златый вкушал.

Иль, сидя с юным другом, нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вокруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал,
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

Цари к себе его просили
Поестъ, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть.

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка.

Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, хороводу
С красавицами век провел.

Анакреонтический стиль бытового и поэтического поведения утверждается здесь Державиным как образец для подражания, ибо только так можно снискать себе «венец бессмертия». Анакреонтическое воспевание жизни, вина, искусства, женщин и любви, упоение ими, став основой «легкой поэзии» еще в XVIII веке, в начале XIX века и в пушкинскую эпоху будет переживать свой расцвет, соединившись с эпикурейским культом дружбы. До Пушкина по этому пути шли К.Н. Батюшков, В. Жуковский, Д. Давыдов; вместе с Пушкиным - Дельвиг, Баратынский. Языков и другие.

Уже в поэзии конца XVIII века, особенно у Карамзина и Державина, четко фиксируется важнейшее, обязательное свойство любого пира - он является братски-дружеским, он создает эту атмосферу и протекает в ней. Державин в стихотворении «Венец бессмертия» даже «вручил» Вакху главную деталь пира в древней Руси: «С братиною златою Вакх». («Братина». «кубок круговой», «круговая чаша», «златая чаша», «круговой ковш» как главные предметно-бытовые детали пира часто будут фигурировать и в лирике, поэмах пушкинской эпохи).

Особого упоминания заслуживает лукаво-пародийная, блестящая грубоватым юмором, фольклоризированная поэма В. Майкова «Елисей или раздраженный Вакх» (1771), главный герой которой ямщик Елисей, оказался едва ли не первым героем-буяном в русской литературе. Известно, что в отличие от многих современников, Пушкин еще в лице зачитывался этой поэмой. Позже это увлечение отразится в черновых строфах «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал...

Пушкин в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном в том же что и «Пирующие студенты» 1814 году, находит новую пиршественную метафору, но уже связанную с войной. Русские воины

Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
затем повторит эту же метафору в стихотворении «Батюшкову» (1815)

Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

В не по годам мрачном стихотворении «Князю А.М. Горчакову» (1817) Пушкин впервые задумывается о своем, возможно «осеннем» мрачном «уделе»:

Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час - и одинок умру.

Об этой же «чаше жизни», но уже по-другому поэт скажет и в стихотворении «Кривцову» (1817):

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Занимагся недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой,
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой.

Как видим, еще в лицейской лирике Пушкина определились три основных образно-тематических направления его пиршественного мира. Первое - прямое изображение пира, как собрания друзей или встреча с другом, застолье и т.д. Второе - метафорическое изображение сражения, войны, боя, как «грозного», «кровавого» пира. Это было естественным, ибо поэт-лицеист был современником войны, знал не только стихи о ней Жуковского, но и Д. Давыдова, где такая метафора была распространенной. Третье образно-тематическое направление тоже метафорическое - жизнь есть пир и каждый получает и выпивает свою «чашу жизни» или «кубок жизни». Конечно, у Пушкина часто в пределах одного стихотворения могли быть представлены чуть ли не все эти образно-тематические направления, но чаще всего соединялись первое и третье. А в первое направление, как правило, входили темы дружбы, любви, поэзии, искусства, свободы, судьбы человека. Оно и окажется самым развернутым в его лирике, поэмах, романе «Евгений Онегин».

Какова логика описания пира в его прямом значении? Она отчетливо проявляется только в больших жанрах - поэме, романе, повести или большом стихотворении, приближающемся к жанру маленькой поэмы. Впервые в русской поэзии логика пира, его сюжет достаточно полно проявились в стихотворениях Г. Державина «Приглашение к обеду», «Евгению. Жизнь Званская», в поэме Е. Баратынского «Пир» (1820, 1833), в романе «Евгений Онегин» (см. пиры «младых повес» и Онегина в гл. I, строфы XVI-XVII, именины Татьяны Лариной в гл. V, строфы XXV-XLV, глава VI, строфы I-II, в главе о путешествии Онегина и его пребывании в Одессе). Здесь устойчивыми элементами пиршественного сюжета стали подготовка к пиру, приглашение гостей, в котором обязательно соблазнительное описание вин, напитков и еды (Державин в названных стихотворениях, а за ним и другие поэты, первым дал великолепные винно-гастрономические «натюрморты», цель которых - искушение приглашаемых пиром, их соблазнение великолепием будущего пира), приезд гостей, описание пиршественного стола и его «сладострастное» обозрение гостями, первое собственно пиршественное священнодействие - открывание напитков и наполнение ими бокалов, чаш, стаканов, рюмок, кубков - первый тост, похвалы напиткам и еде, собственно пирование, на котором происходит пиршественное раскрепощение, утверждается торжественно-веселая атмосфера, гости веселятся, молодеют, мудреют, братаются, возникает знаменитое пушкинское «равенство». Пир философствует, шумит, то разбиваясь на небольшие группы соседей, то снова объединяясь тостами в единое целое, затем начинается развлекательная часть пира - песни, танцы и другие увеселения. Конец пира - разъезд гостей или оставление их на ночь у хозяев, а тем более описание послепиршественной обстановки - не являются обязательным элементом пиршественного сюжета. Он присутствует в «Евгении Онегине», завершая именинный пир (гл. VI, строфы I-II), в поэме Е. Баратынского «Цыганка». Редкое использование этого элемента пиршественного сюжета объясняется психологически и эстетически: перевод описания от пира к будням - антипоэтичен и антиэстетичен. (См., например, первую главу поэмы Е. Баратынского «Цыганка» или завершение именинного пира в «Евгении Онегине» в главе VI, строфа II).

Читатель любого пиршественного стихотворения, подобно приглашенному гостю, тоже искушается пиром, соблазняется им. Вероятно, в этом и заключается завораживающая прелесть пиршественной лирики!

Конечно, отдельное лирическое стихотворение не в состоянии охватить весь пиршественный сюжет: каждый поэт выбирает из него те элементы, которые по его мнению наиболее соответствуют цели стихотворения или являются наиболее поэтичными. Для пиршественной лирики уже с XVIII века, а затем и в первую треть XIX века самым поэтичным и поэтому обязательным оказался один из первых элементов пиршественного сюжета - радостно-предвкушающее созерцание пиршественного стола, описание разнообразных напитков и священнодейственное, многообещающее, веселое, праздничное, торжествующее открывание напитка, наполнение чаши, кубка, стакана и первый тост, первый призыв. Начиная с XVIII века, шло незримое соревнование поэтов в том, кто красивее и поэтичнее опишет этот момент. Приведу вереницу коротких, но очень «вкусных» и красивых цитат связанных с «описанием», «открыванием» и «наполнением».

Державин

Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой
(К первому соседу)

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, -
Беседа за сладьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен,
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.
(Евгению. Жизнь Званская)

Батюшков

Какое счастье! Вакх веселый
Густое здесь вино нам льет.
(Совет друзьям)

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радости.
.....
Славь беспечность и любовь!
(Элизий)

Дар Вакха перед нами:
Вот кубок - наливай!

(Мои пенаты)

Жуковский

Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей
И выпьем все до дна.

(К Батюшкову. Послание)

Поставь в мой угол посох свой
И умиленную мольбой
Почти домашнего Пената.

Садись - вот кубок! в честь друзьям!

(К Воейкову. Послание)

Почти у всех поэтов, строки которых приведены, есть стремление создать с помощью физического или словесного жеста зрительную, динамическую картину начала дружеского пира. И все же стихи этих поэтов - наполовину русские, наполовину «античные».

Огромный шаг в обновлении и русификации пиршественной лирики до Пушкина сделал Д. Давыдов. У него почти нет античных пиршественных деталей и образов, главным героем своих пиршественных стихотворений он сделал лихих гусар, одинаково ловких и могучих в боях и пирах. Поэтому у Давыдова органически соединились два образно-тематических направления в изображении пира - прямое и метафорическое (бой, сражение - пир): у него часто пир сменяется боем, бой - победным пиром. Война, как время действия большинства его стихотворений породила их своеобразный аскетизм и демократизм: по-военному скромная обстановка, где идет пир, или же пир идет в перерывах между боями прямо на поле боя. Но «скупости» в величине пиршественных «стаканов пуншевых», в количестве выпитого, в разгуле веселья муза Давыдова не знала. Наоборот, здесь больше пиршественных гипербола. Приведем несколько строк Давыдова, чтобы показать это. Вот знаменитое давыдовское приглашение друга на пир:

Бурцов, ера, забияка,
Собугыльщик дорогой!
Ради бога и ... арака
Посети домишко мой!

Затем идет описание скромной до аскетизма обстановки «домишки», а в конце - пиршественное соблазнение с элементами гиперболы

А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

(Бурцову. Призывание на пунш)

В другом стихотворении Давыдова пиршественное действо раз-
вертывается прямо «в дымном поле, на биваке»:

Собирайся в круговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей.
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.

Но если завтра бой, то герой Давыдова, предчувствуя упоение
этого пира, упоение в бою, ставя его выше обычного пира, при-
зывает:

К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон - и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И - ура! Счастливый день!

(Бурцову)

Давыдовское чувство упоения в бою неоднократно и по-
разному будет откликаться в поэзии Пушкина, в том числе и в
таинственно-мистических речах Председателя пира:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю.

(«Пир во время чумы» 1830)

Буйное гусарское веселье, не знающее границ, - обяза-
тельный элемент всех пиршественных стихотворений Давыдова.
Вот его образцы:

Ради бога, трубку дай!
Ставь бугылки перед нами,
Всех павздников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел

Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
(Гусарский пир)

или

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем - рубиться молодцами,
Вечерком - горелку пить!
(Песня)

Поэтическая картина начала пира воссоздана в стихотворении Давыдова «Тост на обеде донцов» (1826):

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого.
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского!

Метафора этого стихотворения - открывание бутылки с шампанским или другим шипучим вином - освобождение не только вина, но и радости, свободы из плена - впервые была использована в поэме Е. Баратынского «Пир» и имела свою любопытную историю, о которой скажем ниже.

Наконец, в развитии пиршественной лирики Пушкина и всего XIX века большую роль сыграло стихотворение Давыдова «Гусарская исповедь» (1832). Здесь помимо традиционного для поэта изображения разгульного, свободного гусарского пира, Давыдов внес два новых, но очень существенных элемента - демократизм и цыганщину братских гусарских пиров:

Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех -
Мне душно на пирах без воли и распахки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной *затяжки!*
.....
И торжествуют вновь любимые привычки!
И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где грубки? .. Вейся дым на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволие!

Отметим две великих поэтических находки Давыдова в этом стихотворении, поистине созданные энергией гения. Динамичная, с новой пиршественной и лексической образностью прелестная строка «И громогласные шампанского оттычки». Давыдов буквально «откопал» в сокровищнице русского языка (словаря В. Даля ведь тогда еще не было) словечко «оттычки» поэтически новое, девственное, покоряющее, выразительное. О всей этой строке можно только сказать «Умри Денис, лучше не скажешь!». Одна эта строка вызывает у читателя не только пиршественное предвкушение, но и своеобразное пиршественное «вакхическое вожделение» (термин эстетики Г.-В.-Ф. Гегеля - А.Г.), пиршественное сладострастие, она как бы приглашает читателя скорее сесть за пиршественный стол, чтобы услышать «громогласные шампанского оттычки». А ведь главной задачей пиршественного стихотворения и является возбудить у читателя именно эти чувства пиршественного предвкушения и пиршественного вакхического вожделения, вырвать его из будней в праздник, вызвать зависть к пирующим и «пригласить» читателя на пир.

Вторая находка - повелительная, ставшая знаком времени и обязательным элементом пиршественного мира литературы XIX века строка «Давай мне хор цыган!». (Вспомним: любовь Пушкина к цыганам и цыганским песням, стихотворение Н. Языкова «Весенняя ночь», поэму Е. Баратынского «Цыганка», многочисленные «цыганские» песни и стихи А. Апухтина, А. Григорьева, «Братьев Карамазовых», «Живой труп», «Бесприданницу», многочисленные цыганские песни и стихи других русских писателей и поэтов). После Давыдова цыганщина стала обязательным элементом культурно-бытовой жизни России. Но нам важно показать другое. Почему «цыганщина» с эпохи Пушкина и на протяжении всего XIX века не только оставалась важнейшим элементом русской литературы, искусства, быта, но в первую очередь присутствовала в пиршественном мире поэзии? Что объединило русский пир и цыганщину? У них есть два общих свойства - экстазм и синкретизм. Только русский пиршественный экстаз - кульминация пира, а цыганский экстаз присутствует изначально и реализует себя уже в начале русского пира. Немного различны и синкретизм русского пира и цыганщины: синкретизм русского пира проявляется хронологически последовательно - от речей, вина, еды, тостов к песням и пляскам: синкретизм цыганщины разворачивается весь сразу, параллельно, одновременно идут тосты, вино, песни, пляски. Цыганщина и придала русскому пиру «безудерж», дионисийский, экстастический характер, что и отличает его от пиров других на-

родов. Для полноты истории цыганщины в поэзии XIX века необходимо упомянуть и Г. Державина с его «Цыганской пляской» и дядю Пушкина, который в отрицательном контексте упомянул цыганщину:

Я все перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с блядьми, в трактирах с ямщиками,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами.

(В.Л. Пушкин «Опасный сосед». 1811)

К сожалению, цыганская тема и цыганские мотивы в русской литературе до сих пор еще слабо изучены. Можно назвать лишь одну обобщающую статью [Ю. Лотман, З. Минц «Человек природы» в русской литературе XIX века и цыганская тема у Блока» // Блоковский сборник. Тарту. 1964. С.98-156].

Как видим, Давыдов сыграл огромную роль в развитии русской пиршественной лирики. Но она все же имела два недостатка: ее герой и адресат - узкий гусарский круг; у нее не было выходов на широкий круг проблем философских и общечеловеческих.

Это сделали Е. Баратынский и Пушкин. Они вывели свою пиршественную поэзию к этим проблемам, именно она является недостижимой вершиной русской пиршественной лирики. Пиршественно-поэтические взаимоотношения Пушкина и Баратынского, освоение опыта друг друга способствовали этому.

Пушкин в 1822-24 годах навеки закрепил за Баратынским звание «певец Пиров». Впервые он сделал это в стихотворении «Послание цензору» (1822), где обличая цензора в глупости, трусости и подозрительности, напишет:

Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкис, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров*, столь чистый, благородный, -
Ничто не трогает души твоей холодной.

Второй раз этим же званием Баратынский будет отмечен в III главе «Евгения Онегина» в строке:

Певец Пиров и грусти томной.

И оба раза Пушкин с заглавной буквы пишет слово «Пиров», придавая ему высокий смысл и высоко оценивая автора поэмы «Пир».

Баратынский, отвечая на столь высокую похвалу и призывая друзей на пир, напишет о Пушкине:

Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И срасти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом

Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
(«Пирь». 1820, 1832)

В черновиках поэмы Баратынского о Пушкине говорилось немало иначе:

Ты, поневоле милый льстец,
Очаровательный певец
Любви, свободы и забавы,
Ты, Пушкин, ветреный мудрец,
Наперсник шалости и славы,-
Молитву радости запой.

Здесь же в черновиках оказался отрывок, к великому сожалению не включенный Баратынским в канонический текст поэмы, в нем буквально в пяти строках определен сюжет и психология будущего дружеского пира:

Упиться радостью свиданья!
Толпой сберитесь опять
Шуметь за чашей круговую,
Былое время вспоминать
И философствовать со мною

Баратынский в поэме первым попытался дать своеобразную философию, психологию и типологию пиров. Вот перед нами богатый и обильный, хлебосольный пир московской знати. В начале поэмы восхваляется бог стола Ком и первопрестольная Москва за хлебосольство, затем следует описание накрытого стола:

Уж он накрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружен.
Еще не сели; все в молчанье;
И каждый гость вблизи стола
С веселой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданье

Затем на этом пиру

Садятся госги. Граф и князь -
В застольном деле все удалы,
И осушают, не лентясь,
Свои широкие бокалы

Пир быстро смешивает «голоса», «Собрание глухо зашумело», «Вино разнежило гостей / И даже ум их разогрело». каждый гость стал «муж толковый».

Вторым, но не уступающим первому, Баратынский описывает дружеские веселые пиры, самого поэта с друзьями, среди которых Дельвиг, Пушкин. Известно, что цензура в 1821 и 1826

годах, придравшись, не пропустила самые поэтичные строки о вине, как «звездящейся влаге», кипящей свободой:

В стекло простое бог похмеля
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звездящаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как пылкий ум не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
«Певцы пируют!» - восклицали -
Слепая чернь, благоговей!»

Подчеркнутые строки показались цензуре слишком вольнодумными. Дельвиг и Жуковский в 1826 году пытались отстоять эти строки, но не смогли, Баратынский вынужден был изменить их на:

Она отрадою кипит,
Как дикий конь не терпит плена,

метафора вина - отважная, пылкая человеческая свобода - исчезла. А ведь в истории русской и мировой поэзии мы найдем немало строк, достойных по поэтическому описанию вина стать рядом со строками Баратынского, отвергнутыми цензурой.

Опишет Баратынский и давние пиры в родовом доме, где

За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...

Пиршественно-поэтические взаимоотношения Пушкина с другим современником, Н. Языковым, также обогатили обоих поэтов. В 1824 году в ссылке в Михайловском Пушкин пишет пиршественно-пригласительное стихотворение в Дерпт «К Языкову», где считает его родней «по вдохновенью», жалуется на свою судьбу одинокого скитальца, ждет Языкова в гости, уверяет, что «Наш Дельвиг все для нас оставит», они окажутся втроем и тогда:

Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Внимание дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов

И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

Конечно, признание Языкова родней «по вдохновенью» было продиктовано циклом стихотворений дерпского студента «Песни»(1823), где веселая атмосфера студенческих пиров и пафос свободы утверждались как молитва:

Полней стаканы, пейте в лад,
Перед вином благоговенье;
Ему торжественный виват!
Ему - коленопреклоненье!

Юношеский комплекс чувств:

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим,

клятвенные призывы:

Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

конечно были близки Пушкину. Импонировали ему, который «Всегда гоним, теперь в изгнанье», и такие поэтически сильные, свобододлюбивые строки Языкова:

Наш Август смотрит сентябрем -
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.

.....

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум - не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Приди сюда хоть русский царь
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь

Здесь пиршественная свобода у Языкова органически связывается со свободой человека вообще, свободой онтологической и социальной. Такая свобода привлекала и Пушкина. Ведь еще в 1819 году он писал в стихотворении «Веселый пир»:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель.

Ранее, рассматривая стихотворение Н. Карамзина «Веселый час», мы обратили внимание на его знаменитую строку: «Вечно смотрит сентябрем». У Языкова под влиянием карамзинской строки родилась своя, не менее замечательная: «Наш Август смотрит сентябрем». Поэтическая сила этой строки в многозначности слова «Август»: оно может быть именем рим-

ского императора Августа или любого другого императора, царя, властителя; именем какого-нибудь наместника в Латвии, ректора дерптского университета, владельца дома, квартиры, кабачка, где происходит студенческая пирушка, или именем любого другого человека, даже одного из сидящих за столом. И любой из этих Августов смотрит на студенческую пирушку неодобрительно, нахмураясь сентябрем. Кроме этих значений слово Август может пониматься читателем и как обозначение месяца. Тогда вся эта строка приобретает еще один смысл, чисто природный: месяц Август, когда пируют студенты, оказался хмурым, дождливым, холодным, поэтому он и «смотрит сентябрем».

Мы показали, как пиршественная лирика Пушкина оказалась тысячами нитей связанной с традициями античной поэзии, поэзии XVIII века и поэзией своих современников. Взаимными дружескими посланиями, в том числе пиршественными, Пушкин был связан с поэтами, писателями, друзьями, деятелями искусства и культуры своего времени. В поэтической системе своего времени он по праву занимал место главного светила - Солнца, которое обогревало всех. Особенно щедро оно обогревало друзей и любимых женщин. В пиршественно-поэтической системе свой эпохи он занимал место Великого Симпозиарха. Заботливая теплота дружески-поэтически-пиршественных отношений эпохи привела к тому, что ею был запущен мощный механизм сотворчества в литературе и искусстве, который и породил золотой век русской литературы и культуры.

Логика пиршественного мира поэзии Пушкина знала не только вакхическое вожделение, но и отказ (по Эпикуру - «избегание» пиров) от пиров или дружбы, или любви, как это было в стихотворениях «Князю А.М. Горчакову» (1817), «Деревня» (1819), «Погасло дневное светило» (1820), «Мне вас не жаль, года весны моей» (1820), «Дружба» (1824) и многих других. Взрослея, умудряясь жизнью, испытывая первые ее удары, разочарования и утраты надежд и друзей, в ссылке, гениально предчувствуя катастрофу декабря 1825 года, Пушкин в стихотворении, посвященном лицейскому празднику окажется в плену «осенних настроений». Он оплачет первые утраты лицейского круга (смерть Н.А. Корсакова), разлуку с друзьями, призовет бывших лицеистов:

Пируйте же, пока еще мы тут!

Увы, наш круг час от часу редет

Третье образно-тематическое направление пиршественной лирики Пушкина, связанное с образом «чаши жизни», «жизненного пира» является наиболее сложным и даже мистически-таинственным, потому что таинственна сама метафора

«чаша жизни», «кубок жизни», «пир жизни». Помимо названных ранее стихотворений Пушкина этого направления, заметим, что ни один из крупных поэтов не только XIX, но и XX веков не обходил эту метафору несмотря на ее сложность и таинственность. Приведу несколько примеров из поэзии XIX-XX веков.

Разочарованный жизнью лирический герой Лермонтова итожит:

Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит

(Монолог)

Он же напишет стихотворение «Чаша жизни», где утверждает, что «чаша жизни» пьется человеком «С закрытыми глазами», она - обольщение, мечта и лишь перед смертью человеку дано понять это:

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был - мечта,
И что она - не наша!

«Угрюмство» в осмыслении «чаши жизни», как и «угрюмство» послепушкинской поэзии вообще шло по нарастающей: ее пиршественный мир начинает сужаться, престарелый Тютчев в 1861 году напишет неуклюжее поздравительное стихотворение «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», в котором несмотря на упоминание имен Жуковского, Пушкина, Карамзина, нет пушкинского пиршественного вдохновения и легкости.

Д. Мережковский (скорее всего в конце 80-х - начале 90-х годов - дата под стихотворением не проставлена - А.Г.) пишет мрачное стихотворение «Пустая чаша», полное жалоб на предков:

Отцы и дети в играх шумных
Все исгощили вы до дна,
Не берегли в пирах безумных
Вы драгоценного вина.

Но хмель прошел, слепой отваги
Погух ои онъ и кубок пуст.
И вашим детям каплей влаги
Не омочить горящих уст.

Последним ароматом чаши -
Лишь генью тени мы живем,
И в страхе думаем о том,
Чем будут жить потомки наши

В поэзии серебряного века произошла серьезная трансформация пиршественного мира и пиршественных традиций поэзии золотого века: исчезли стихотворения-призывания на пир, описания различных, в том числе и дружеских, пиров. Поэзия серебряного века утратила культ дружбы. Символистов старшего поколения - Мережковского, Гиппиус, Сологуба, Брюсова, Бальмонта - тема пира мало привлекала. У младших символистов она окажется более развернутой, т.к. поэтическое утверждение и реализация дионисийского начала обращало их к теме пира. Но попытка Вяч. Иванова возродить пиршественный мир в своей лирике не нашла последователей, т.к. основывалась на возвращении к античным традициям, минуя традиции поэзии пушкинской эпохи. Это видно в его стихотворениях «Хмель», «Вызывание Вакха» и других.

Пиршественный мир поэзии Блока, Белого, постсимволистских течений, послеоктябрьской поэзии - это отдельная самостоятельная тема.

Е.В. Абрамовских

НЕЗАВЕРШЕННАЯ ПРОЗА А.С. ПУШКИНА

Незавершенная проза А.С. Пушкина представляет собой целый пласт его духовного наследия, до сих пор в должной мере неосмысленный и неизученный. В сознании современных читателей нет четкого разграничения между завершенными и незавершенными текстами. И только специалистам известно, что завершенная проза Пушкина – это всего четыре произведения: «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Капитанская дочка». Все остальное – «Дубровский», «Египетские ночи», «Арап Петра Великого», «История села Горюхина» и т. д. – не было завершено и не было подготовлено к изданию (кроме фрагментарной публикации «Арапа Петра Великого» и «Рославлева» при жизни автора). Сложности в изучении незавершенной прозы Пушкина связаны прежде всего с поздней публикацией этих текстов и с большими допущениями. Отсюда и невозможность проследить восприятие пушкинских текстов современниками, так как, например, отрывок «Русского Пелама» был опубликован в 1841 г. в посмертном собрании сочинений Пушкина, отрывок «Надинька» в 1884 г. в «Русской Старине», а план, легший в основу гоголевских «Мертвых душ» и «Ревизора» – «Криспин приезжает в губернию» – только в 1930 году С. Бонди.